

1.

Агния очнулась от ужаса. Солдаты заталкивали её в фургон. Там, в сне казалось, что она смотрит кино о далёкой войне. Но ужас от происходящего дошёл до того предела, когда закройвай глаза либо беги от экрана. Она вынырнула из сна, словно с нестерпимой глубины, теряя сознание от нехватки воздуха, и взхлёб, до головокружения вздохнула.

Нет, это был не сон. Это была явь, облечённая в форму сна. Это было не такое уж далёкое минувшее, которое в любой миг могло обернуться нынешним, вновь явившись здесь и сейчас.

Переведя дух, Агния прислушалась. Тяжело дышал муж. Провалившись в последнее полнолуние под хрупкий лёд, Кирилл никак не мог избавиться от хрипов и периодически накатывавшего кашля. Его дыхание касалось её лба.

Агния ощупалась подле. Тёма спал, дыхание его едва доносилось. Слава Богу, хоть сынок здоров. В тревоге за мужа она ощупала брезентовый полог – не дует ли ему со спины?

Эта повесть – сплошная фантазмагория, когда в силу обстоятельств обычные люди, семья, поражены страхом вакцинации до такой степени, что бросают всё и уходят в отступ... Перемежаются, а то и соединяются в одно явь и сон. Порой кажется, и самому автору трудно разобрать, где пребывают его герои, не говоря уже о читателе, но тем интереснее повествование, где итогом – отмена апокалипсиса...

Публикация приурочена к знаменательной дате известного русского писателя Михаила Попова – давнего автора и члена редколлегии журнала «Дон». Здоровья, неиссякаемого творчества, дорогой Михаил Константинович!

«Спи», – донеслось в ответ. Тоже не спит. Или она его разбудила, разметавшись во сне? Агния виновато-благодарно улыбнулась. Но кто бы мог разглядеть эту слабую улыбку в кромешной тьме?! «И ты», – одними губами отозвалась она и подула, представив, как шевелятся от её дыхания седастые клочья его бороды.

Успокоенно вздохнув, Агния стала засыпать. Как будет утром, не ведомо – всё в деснице Божьей. А сейчас добро. Засыпает Кир, задрёмывает она, Агния. А меж ними покоится сынок Тёма, словно зреющая жемчужинка в створках единой раковины...

* * *

Нет, не заспалось Агнии. Что-то спугнуло, растревожило. Да не что-то. Мелькнул образ старшего сына, и как всегда неожиданно. Словно уголёк отгоревшего костерка, открывшийся из-под пепла порывом ветра. Зажмурил глаза, Агния затворила его в потёмках памяти и, чтобы избежать возврата, кинула сознание туда, где его, первенца, ещё вовсе не было.

Ростов, Пушкинская улица, памятник Пушкину. Она дожидается подружку-одноклассницу, с которой договорились съездить в медицинский институт. Школьные экзамены ещё не кончились, а им не терпится узнать про будущее. На противоположной скамейке под клёном сидит молодой военный. Голубой берет, полевая форма, на погонах две звёздочки – лейтенант, а на груди орден Красной Звезды. Как у её папы. Папа служит в военном госпитале – она знает все звания и регалии.

На ветви клёна прядает стайка мелких птах, рассаживаясь с гвалтом, – у них, похоже, послеобеденная чистка. На плечо лейтенанта падают отходы их жизнедеятельности. Он морщится. Она – папина школа – речитативом выводит Высоцкого: «С неба упала вторая звезда вам на погоны...». Он ответно хмыкает. Достает из кармана перочинный нож, коротким движением подцепляет нежданно упавшую «звезду» и стряхивает под ноги. Скошенный взгляд явствует, что полной «зачистки» не произошло. Такой след надо замывать водой. Она достаёт из сумочки платок и показывает на памятник – позавчера был день рождения поэта, всё подножие устелено цветами, иные букеты – в банках с водой. Он глядит на неё озадаченно: не оскорбит ли солнце русской поэзии такая фамильярность. «Александрю Сергеевичу с неба, небось, тоже не только рифмы падали», – уже вслух убеждает она и, подавая пример, поднимается со скамейки. Лейтенант следует за ней. Он выше её на голову. Пока она сливает воду на платок, он держит букет хризантем. Потом

она велит ему поклониться и принимается за санобработку, так она это называет. Глаза у лейтенанта синие, брови вразлёт, нос с горбинкой, рот большой, губы твёрдые, выразительные, на подбородке ямочка. «Я себя под Пушкиным чищу», – смущённо бурчит он и пробует её остановить: «Добро, добро!..». Но ей ведь лучше видно, когда можно уже остановиться. Операция «Зачистка» завершается обоюдными галантными жестами. Поклон с его стороны плюс к нему один цветок из букета, который возвращается в гнездо банки: «Надеюсь, А. С. это тоже не осудит». Реверанс с её стороны: «Не обессудьте, Александр Сергеевич!». А ещё – попутные комментарии от лица Пушкина: «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!..». Чем не повод для представления-знакомства? «Кирилл, – тут же кивает он, – можно Кир». «Агния, Агнюша, можно Нюша». Следует предложение встретится. Оно исходит от него. Она не возражает. «Здесь же вечером, в шесть часов». Тут как раз появляется подружка, и они – он и она – раскланиваются до вечера.

Агнию опажнуло давней тёплой волной, словно повеяло южным жаром. И эта волна, само собой, увлекла её.

Шрам на правом виске Кирилла Нюша заметила на третий день – берет он не снимал, а тут на набережной Дона, видать, забылся, расслабился... Шрам напоминал росчерк эмблемы, что алела на берете с левой стороны. Только не столь яркий, хоть и свежий. «Ой!», – вскрикнула она.

Нет, шрам не уродовал его лицо, он просто вызывал оторопь, как всякая такого рода неожиданность. С годами он стянулся и стал похож на листок ивы, выжелтившийся до белизны. А тогда, когда она увидела шрам впервые и вскрикнула, Кирилл живо надел берет, круче выгнув залом и всё отшучивался, мол, оса злая саданула.

Уже позже, когда они сблизилась, он признался, что снайперы его ловили трижды. Первый раз в самом начале Чеченской войны его, словно кто-то ухватил за шкуру и нагнул. Пуля ударила в противоположную от проёма стену. Второй раз, уже учёный-меченый, он сам увернулся, почуяв всем своим нутром, что она летит – пуля скользнула по каске. А третью пропустил исключительно по своей самонадеянности. После пятой атаки, усталый и обессиленный, он снял каску и не правильно выбрал позицию. Пуля прилетела, откуда не ждал. Почуять её почуял, но успел только вжаться в стену... Увы, стена не сдвинулась...

А ещё после тех слов Кирилл поцеловал свой нательный крест. Он крестился, когда окончил третий курс военного училища. В стране как раз начиналась заваруха...

Нюша не убоилась этого ранения, когда пошла за Кирилла замуж. Было это через два года после их знакомства. Она к той поре окончила второй курс меда. Он ещё раз побывал на войне и вернулся снова раненный – на сей раз осколком в плечо. Осколок тот держала в руках её мама – старшая операционная сестра того же военного госпиталя, где он проходил лечение и реабилитацию первый раз. Это ранение не вызвало у Калерии Фёдоровны опасения. А вот предыдущее не на шутку обеспокоило. Ранение в голову, пусть и касательное. Да, нейрохирург тут не вмешивался. Но она всё равно обратилась к нему, ведь речь шла о человеке, с которым её дочь собралась связать свою судьбу. Нейрохирург полистал медицинскую карту Кирилла Платова, которую принесла ему Калерия Фёдоровна, ознакомился с записями невропатолога, особенно внимательно просмотрел показания томографа и заключение оператора. «Оснований для тревоги нет, – подвёл он итог. – Во всяком случае в обозримые годы». Калерии Фёдоровне тут бы и успокоиться, коли главный специалист не нашёл никаких отклонений. Но тревога не оставляла её. А причиной была одна фраза, обронённая доктором вскользь: «Бывают и у здоровых пограничные состояния». Вот эти два слова «пограничное состояние» мама и твердила на все лады, когда увещевала дочь ещё и ещё раз подумать. Нюша либо отшучивалась, либо отмалчивалась. Однако однажды не выдержала и напомнила судьбу самой мамы.

В декабре, в канун 1980 года, когда ещё только-только заговорили про «ограниченный контингент», к ним в госпиталь доставили из Афганистана раненого сержанта. На нём живого места не было, как потом, годы спустя, вспоминала сама Калерия Фёдоровна, тогда совсем юная медсестра. Именно она, Лера, и выходила сержанта ВДВ Степана Волдина, ночи напролёт дежуря у его постели. Так потом во всеуслышанье объявил начальник хирургического отделения майор Кононов. А медперсонал, когда через полгода Степан, сначала опираясь на Леру, а потом самостоятельно стал ходить, медперсонал заговорил о свадьбе – до того славно смотрелась пара и до того неразлучны были их взгляды.

Вот об этом напомнила Нюша маме. «Ты нас с папой не равняй», – насупилась, скрывая повлажневшие глаза, Калерия Фёдоровна. «Как не равняй!» – возмутилась было Нюша и тут же обняла её: «На кого же мне равняться, мамочка, как не на тебя?! На тебя да на папу?!».

Не терял времени при этом и Кирилл. Мама у Ньюши – крепень. Но ведь и он, лейтенант Платов, – не тесто с разрыхлителем. Полусиротское детство, военное училище – такая житейская школа, что крутое закальное зелье для булата. Однако действовать решил не в лоб, а обходным маневром, как наставляет устав и тактика ближнего боя. А для этого сам познакомился с папой Ньюши – Степаном Кузьмичём Волдиным, старшим прапорщиком, завхозом госпиталя. Зашёл вроде как по делу: передать от сослуживца, лежавшего здесь на излечении, привет. Да и застрял. Была пятница, конец трудовой недели, что Кирилл, конечно, учёл: Степан Кузьмич никуда не торопился. Повспоминал он передававшего привет капитана, потёр лоб, да так и не вспомнил, от кого лейтенант донёс весточку. «Где всех упомнишь...», – чуть виновато пояснил он и улыбнулся. Рязанская порода, широкоскулая и открытая. Челюсти, что основания наковальни. Глаза голубые. А улыбка до ушей. Ньюша обликом схожа, хотя, конечно, во всём утончённее, эта лепка от мамы. Мама донская казачка – этим всё сказано: дочка-дивчина в неё... Слово за слово – знакомые у лейтенанта и старшего прапорщика всё же нашлись. Оказалось, что командир дивизии, в которой служил лейтенант Платов, в поры службы сержанта Волдина был старлеем и к тому же командовал их взводом. Дальше больше – нашлись и ещё общие знакомые чином поменьше. Потом пошли воспоминания и рассуждения о войне. Командиром дивизии, в которой служил и воевал Степан Волдин, был фронтовик. Человек старой закалки, он любил общаться с молодняком. Доверительные беседы чередовались с наставлениями: «В бою не оглядывайся – ты не на танцплощадке при выборе девицы – только вперёд, иначе захоронит тебя девица с железной косой», «Береги патроны и лелей оружие – это твой огневой щит, надёжа и опора», «Осекай разгильдяев – от них в бою все беды», «Лучше получить медаль, чем стать героем – посмертно». В ходе душевной беседы Степан Кузьмич извлёк из письменного столика тёмную иодистого цвета бутылочку. Это, понятно, был медицинский спирт. Он наполнил до половины две маленькие мензурки и предложил развести. Кирилл почуял, что это небольшое испытание и поднял, не разбавляя. «За знакомство!». Спирт, конечно, саданул по всем позициям – ожёг горло, окрутил голову, а особенно, живот, но усилием воли он всё же удержался от обратного отката. Потом-то он укорял себя, Кирилл, за мальчишеское бахвальство, но тогда был доволен, что форс удержал. Вот так началось знакомство с будущим тестем. Правда, в тот раз Кирилл не сказал, како-

ва была действительная причина его визита. Но через неделю открылся. И они, Кирилл и Степан Кузьмич, поняв друг друга, искренне рассмеялись. «Считай, что тылы обеспечены, – улыбаясь прибавил старший Волдин: – Агнюшка – за, я – за. Две трети личного состава – подавляющее большинство. А маманя никуда не денется...». Так оно и вышло.

* * *

Но... Мама Нюши беспокоилась не зря. Не зная всего, она чувствовала женским нутром, что с Кириллом не всё ладно, как убеждала её дочь, и показывал своим бравым видом он сам. После второй командировки на войну Кирилл был весь, как натянутая струна – подтяни колок, и она лопнет от перенапряжения. Но Нюша ведь не могла признаться маме, что сама переживает. Она боялась, конечно, – как не бояться?! Но боялась не столько за состояние Кирилла, хотя это и было причиной тревоги, сколько за то, что не сможет ему помочь, а помочь ему обязана, потому что... любит. И вот, когда Нюша поняла это, почувствовала всем своим сердцем, что любит, она и предалась ему без остатка, осознав, что её любовь нужна ему, в ней его спасение. А в нём, Кирилле, – её жизнь.

* * *

Нет, ни разу не пожалела Агния, что сделала свой выбор. Как, почему – только улыбалась. «Пушкин благословил», – смеялась в иные минуты. Недаром первенца они назвали Александром.

От Кирилла, даже когда он ещё не отошёл от военного шока, исходила уверенность и сила. И хотя она не слыла послушной, покладистой, встретив его, сразу ему доверилась и во всём соглашалась с ним. И первое, что сделала, по его настоянию крепилась.

Кирилл не раз рассказывал о Мезени, где проходило его раннее детство, о море и реке, о шальных приливах высотой четырнадцать метров. «Уйдёшь далеко от берега в часы отлива да забудешься – беда: можешь и не добежать, если начнётся прилив». «Неужели такая быстрая волна?». «Накат такой – олимпиец не убежит». Потом Кирилл заговорил про снасти, которые рыбаки проверяют-ставят на литорали – отливо-приливной полосе – во время манихи – отлива. В глазах его занялся, было, промысловый азарт. Но внезапно осёкся, и будто тень пала на лицо. Это, когда он заговорил про угоры. Те песчаные берега, как стены, и они сплошь утыканы ласточкиными

гнездами. Случилось, по детскому своему неразумению, Кирилл разорил одно гнездышко. И потом понял, что совершил тяжкий грех. «Это ты о том, что от одной загубленной бабочки может случиться вселенская катастрофа?». Нюша хотела его успокоить, отвлечь, но то ли слова не те нашла, то ли тон не тот выбрала. Кирилл прищурился, раздумчиво на неё посмотрел, но продолжать не стал, переведя на другое. Лишь потом в тихую минуту, когда они говорили шёпотом, чтобы не нарушить тишину, он снова вернулся к начатому. Та ласточка, на чьё гнездышко он, неслух, посягнул, пыталась докричаться до него – «Кричала, бедная, страсть», – а потом в отчаянии чиркнула по лицу концом крыла. Он надолго замолчал, словно вновь переживая ту историю. Нюша не шевелилась. А Кирилл, помолчав, обронил, что в том году по осени погибли его родители. Они были метеорологами на дальнем тихоокеанском острове. На их метеостанцию обрушился чудовищный тайфун, который всё смахнул, не оставив следа...

Так Кирюша в одночасье осиротел. Жил он тогда у деда с бабушкой. Судьбой сироты озаботилось военное ведомство, к которому принадлежали родители. Бабушка с дедушкой не хотели отпускать мальчика, до того были привязаны к внуку, да всё же вынуждены были согласиться: дед – инвалид войны, без одной ноги, у бабушки силикоз – в годы войны работала на воркутинской шахте. Они трезво оценили свои силы и заключили, что им не под силу поднять внука. Так Кирилл попал в суворовское училище, а оттуда уже в военное, учиться на офицера-десантника.

А тут, в минуту тихую, словно продолжая историю с ласточкой, Кирилл поведал, как крестился. Однажды ему явились родители. Такие, какими их помнил. Но немного иные. Светлее будто. Они стояли молча, а в оберучьи их мерцал крест. В тот же день он взял увольнительную и отправился в церковь. А ещё Кирилл добавил, что родителям, видать, было ведомо, какой путь ему предстоит.

* * *

Из армии Кирилл уволился по ранению. Пенсии военной показалось мало, и он пошёл искать работу. В охранники было стыдно, учеником на завод – не по чину. Пошёл в авторемонт, благо всегда любил копаться в машинах. Эта сноровка не раз выручала его в армии, а на войне, в Чечне, – на каждом шагу.

Однажды под Курчалоем его взвод попал в засаду. Две БМП были подожжены «стингером», на третьей, где находился он, гранатомётом был разворочен двигун. Как ему удалось оживить машину, он и сам не мог объяснить. «Молитвой да небесной силой». Но удалось, а потом – и вырваться из вражеского кольца, подобрав остатки живых бойцов.

После венчания и свадьбы Кирилл с Ньюшей обосновались у родителей, благо площадь позволяла. У них была отдельная комната с видом на донские дали. И отношения с родителями Ньюши установились доверительные. Казалось бы, живи да радуйся, не считая счастливых дней. Но что-то мешало Кириллу в его новой жизни. Рождённый на Севере, он тяжело переносил жару, но главное было не в этом. «Чем дальше от торговых путей, тем проще народ», – утверждал он. При этом оговаривал, что это ни в коей мере не относится к её родителям. Ньюша чуяла его состояние, настолько они с Кириллом уже слились-съединились, и однажды сама заговорила о новых местах. Не напрямую о месте жительства – тут важно было не перегнуть, оставив инициативу за ним, – а пока лишь о возможности увидеть другие края. Кирилл оценил её тактику и тоже не торопился. Но постепенно шаг за шагом они подошли к решению и через два года оказались в одном старинном русском городе.

Правда, перед тем была Москва. Сманил туда Кирилла сослуживец. Там открывался новый банк, и ему для охраны и режима требовались профессионалы. Кирилл принял это предложение как тактический ход. Ньюше-то ничего объяснять не надо. Но для родителей и окружающих это было убедительно – поменять областной город, пусть и крупный, на центр. Когда и покорять столицы, как не в молодости?!

В банке «Феникс» Кирилл проработал около года. Освоил специфику, познакомился со многими авторитетными людьми, в том числе и братками. Внешний блеск и шик тут сочетался с грязью, ложью, двуличием – тем, что всегда претило натуре Кирилла. Но тут знатно платили, и он терпел, как терпел на войне в долгих засадах. Момент, когда надо было уходить, он почувял нутром, как когда-то пулю на блокпосту. Объявить об уходе, объяснив семейными обстоятельствами, снять деньги, сбросить вещички в джипец было делом считанных дней. Через неделю они уже были в Костроме – том самом старинном русском городе.

Место на окраине Кирилл присмотрел заранее, пару раз сгоняв туда, как он говорил, для рекогносцировки. Выбор определила полуразрушенная церквушка, стоявшая недалеко от бе-

рега Волги. Рядом нашёлся дом, предлагавшийся на продажу, неподалёку – кирпичная хозпостройка, где раньше, по свидетельству старожилов, находилась керосиновая лавка, а после – склад утильсырья. Дом купил, склад взял в аренду, церковь, заручившись бумагами епархии, обещал восстановить.

Дом обустроивали-обживали по мере необходимости. На кирпичном складе через неделю появилась вывеска «Авторемонт». Мастера – сам да дядя Ваня, слесарь автоколонны на пенсии, живущий по соседству. Это началось с понедельника. А накануне в воскресенье они с Нюшей, прикатив коляску со спящим малышом, перекрестившись и прочитав «Отче наш», принялись за уборку церковки. Прогнившие плахи пола – на просушку, сгорят в печке, битые кирпичи – в отвал, сгодятся при цементировке, цельные – в стопочку. Чтобы для любопытных и недоверчивых было понятно, что и почему, Кирилл обновил табличку «Охраняется государством». А рядом прибил другую – от имени епархии, которая благословила его почин, предложив желающим собираться здесь на субботники-воскресники.

То, что предчувствовал Кирилл, случилось через две недели. Транзистор слесаря дяди Вани, который вещал круглые сутки, сообщил, что в Москве взорван банк «Феникс». Есть пострадавшие, помещениям нанесён крупный ущерб. Службы объявили план «Перехват», но результатов он пока не дал. А через неделю Кирилл узнал, что в результате взрыва погиб его напарник, который сосватал его на банковскую службу, и с которым они штурмовали Грозный в декабре 1994 года. Не погиб в той дуrolломной мясорубке, так пропал в центре Москвы. Кириллу было не по себе, словно в чём-то виноват. Но, спрашивается, кто бы ему поверил, если бы он объявил о своём предчувствии?! Через день-другой сообщили о новом взрыве. Так начиналась вторая чеченская война.

2.

Многое минуло, коснувшись сознания или сердца. Они, супруги Платовы, прожили на окрайке Костромы двадцать лет. Больших доходов автомастерская не приносила – палат каменных не нажили. Но прожили дай Бог каждому – грех жаловаться. Здесь родился второй сынок, которого назвали Дмитрием. А под конец второго десятилетия – третий – Тёма, Артём. Вот это и было их главное достояние. А ещё их жизнь согревала христовая церковь, которая во все эти годы мерцала из окон их дома, словно невеста. Своими силами да радением окрестных мирян-доброхотов её восстановили, освятить церковь приезжал

сам епископ. Отметив, как сердечно прихожане обращаются к Кириллу, архиерей предложил посвятить его в чтецы – первую ступеньку к священству. Обряд, по единодушному одобрению паствы, был проведён тут же, посредине храма. Епископ прочёл молитву, постриг крестовидно волосы Кирилла, надел на него короткую фелюнь...

Всё было просто и торжественно, как и подобает православному обряду. И с того дня Кирилл стал служить в храме как алтарник. Он отворял и закрывал церковь, сзывал колокольным призывом на утреннюю и вечернюю молитвы, читал правило. Не всё ему было дозволено, но и от того, что он совершал, он испытывал благоговение и – Агнюша отмечала это – аж светился весь. А через три месяца тот же архиерей, который был наслышан о радении новообращённого клирика, приехал на День Преображения Господня и перед началом Божественной Литургии, совершив новый обряд, возвёл Кирилла в дьяконы. Это снова было посредине храма, где собрались на службу порядовые соседи, самый ближний из них Иван, дядя Ваня, со своей супругой Марьей, сыном Иваном и его молодой женой Дашей. А совсем рядом стояла Агнюша, облачённая во всё светлое, и их сынок Саша.

* * *

Перемены, которые происходили в государстве, не обходили никого. Касались они, более того – задевали, причём подчас больно, и семейство Платовых. Да и как не задевать! Многие понятия ставились с ног на голову. Спекуляция прежде осуждалась, теперь стала инструментом бизнеса. Бизнес – чужеродное слово, которое раньше звучало только в «Международной панораме», теперь стало едва ли не самым ходовым понятием. Вслед за ним, как тараканы, расплодилось-расползлись другие слова: дефолт, девальвация, приватизация, маржа, менеджер, консалтинг, лизинг... Большинство из них были не понятны, но ясно было, что за ними прячутся всевозможные махинации – та самая спекуляция и обман. То же самое было и в политике, которая во всём срослась с тем самым бизнесом и была лошастью, которой заправлял-коноводил бизнес.

Кирилл с Нюшей старались во всё это не вникать. Они работали – Нюша в поликлинике, Кирилл – в автомастерской. Растили-воспитывали детей. Раз в год ездили на Дон, навещали нюшиных родителей, и те в свою очередь, выйдя на пенсию, пару раз навещались к ним.

Так и шла потихоньку жизнь. Как заповедано было от века, как жили поколения за поколением – семья, работа, Божий храм. Но к концу второго десятилетия нового века опять начались перемены. На сей раз не просто изменения в какой-то сфере жизни – пережили навязанное в школе ЕГЭ, возмутились, но смирились с пенсионной реформой... – теперь явилось нечто такое, что под видом оздоровления, то есть заботы о телесности, уже посягало и на саму душу.

Прививки делались всегда – и от дифтерии, и от оспы, и от холеры... Это была неприятная, но нужная процедура от которой в советские поры никто не уклонялся, доверяя медицине. Прививки делались в детском саду, в школе, в армии. Это было непреложно как аксиома.

Новое слово «коронавирус» не вызвало в стране, кажется, никаких особых эмоций. Уже привычным стало, что раз в пятилетие возникает какой-нибудь новый вирус: то птичий грипп, то свиной, то гонконгский грипп... Вот и коронавирус был воспринят как неизбежная данность текущей жизни. Малая часть сограждан – два-три процента от народонаселения, склонные к перемене мест, а главное – имеющие на то средства, – мотаются по всему свету и притаскивают в родные палестины всё, что там, в чужедали, ни подцепят. А отдувается за их прихоти народ, основная масса населения.

На сей раз одним сезоном всё не обошлось. Объявили эпидемию, число заразившихся росло сначала в арифметической, потом в геометрической прогрессии. Эпидемию возвели в пандемию. Появились плакаты с изображением коронавируса. Вирус напоминал красный мячик с пупырышками, которым Кирилл в госпитале разрабатывал кисти рук. Стали носить маски. Голубые, как бабочки-однодневки. Думалось, так и схлынут, как те бабочки – у подёнки век короткий. Да не тут-то было. Сначала по желанию, потом по принуждению облепили те бабочки все лица – одни глаза, колючие да тревожные, остались. А следом – началась вакцинация. Одни соглашались на неё, другие нет. Не больно-то верилось в эту, схимиченную на скорую руку вакцину. «Дрова переколоть да сложить их в поленницу – и то требуется расчёт. А тут эво...». – махал руками дядя Ваня, верный напарник Кирилла.

И тут случилось то, что всколыхнуло жизнь всей окраинной слободки. Заболел дядя Ваня. Кряжистый, румяный, весёлый дядя Ваня, мастер на все руки, душевный, безотказный человек по фамилии Весёлкин вдруг занедужил. А всё из-за чего? В минувшее лето не приехал погостить сын Иван со своим се-

мейством. Как обосновался на Тюменьщине, так приезжал каждый год. А тут из-за этой пандемии – ходу не стало. Отправился Иван в поликлинику, да не в ту, где работала Нюша, а где был оформлен прежде, когда трудился в автоколонне. Нюша, послушав его, наставила записаться к кардиологу. Он с этим и обратился в регистратуру, а там отвечают, что надо прежде вакцинироваться. Ему бы вернуться, чтобы посоветоваться – с женой, с Нюшей, с Кириллом, – а он махнул рукой – была не была – и пошёл на укол. В итоге что? До кардиолога не дошёл – увезли на скорой в больницу. Там принялись откачивать, да было поздно – сердце перегрузок не выдержало.

На похороны отца прилетел сын Иван. «Пришёл с сердцем, а умер от вакцины, – недоумевал Иван: – Как так?» – и ставил медицине беспощадный диагноз: «Бардак!». Иван сильно горевал. Ласково обнимал мать, которая резко постарела за считанные дни. Винил себя, что мотался по северам и не озаботился здоровьем родителей, ругал медицину. После девятого дня им – Ивану, его жене Дарье, детям Юре и Ларисе – предстояло уезжать. Но вдруг Иван, выйдя на двор, хлопнул ушанкой об землю, и сказал: «Всё! Никуда боле не поедем. Намотались. Будя! Здесь наш дом!».

Иван сын Ивана остался на родине. Кириллу даже не пришлось его уговаривать – Иван, как само собой разумеющееся занял в автомастерской место покойного отца. Вызревший на северах, где простые нравы, где дают слово – держат его, а обмана не прощают, Иван теми же мерками оценивал жизнь и на «большой земле». Лжи не терпел, правду-матку резал в глаза. Весёлый нрав батьки перевоплотился у него в сарказм, что отразилось даже на лице – оно заострилось, словно заготовка ножа под молотом. Что ни день, то Иван выдавал новое изречение: «Народ мрёт. У руля – не власть, а похоронная команда. Раньше были лишними людьми Печорин, Чацкий, теперь – полнарода», «Поля не паханы, зато кладбища засеваются...». О пенсионной реформе сказал, как припечатал: «Власть мародёров – старики ещё не померли, а их уже обобрали...». О всей нынешней буржуазной жизни: «Королевство кривых зеркал в Царстве снежной королевы». Медицину, на которую имел зуб, не однажды поминал, а тут, как верительную грамоту выложил: «Министерство здравоЗАХОРОнения». Во все теле- и радио заговорили о цифровизации, он посмотрел на говорун-нов-новаторов и однажды, как приговорил: «Послать бы их всех на три, – сделал паузу, – цифры и припечатать им на лоб, чтоб издалека было видно, – 666, клиентура беса».

А вакханалия с коронавирусом, меж тем, всё раскручивалась и раскручивалась. Доверия к «скороспелой» вакцине у народа не было. Потому многие и избегали уколов. Отказников обвиняли в дремучести, грозили им ограничительными мерами. Больше того, начались судебные преследования врачей, которые выступали против новой вакцинации, их окрестили антиваксерами. В обществе и без того неуравновешенном, начался новый раскол.

Кириллу как частному предпринимателю нужды в вакцинации не было. Но Агнию стали заставлять, иначе отлучат от больницы, где она работала. Начали вакцинировать школьников. И столько нашлось ретивых пропагандистов и исполнителей, ровно полицаев в годы давней войны. Иному никчёмному человеченке дай только покомандовать, и коли появится такая возможность, он уж своего не упустит и так начнёт выкобениваться, словно породила его цепная собака.

Агния из больницы ушла. Заставили. Однако без работы не осталась. Её золотые руки и отзывчивое сердце нашли применение. Бегала по вызовам давних своих пациентов – делала массаж, уколы, давала советы. За визиты платили. Деньги небольшие, но всё-таки. Как она радовалась прозорливости Кирилла, когда он посоветовал ей после второго курса мединститута перейти на ускоренный курс медсестёр. «Посмотри на поликлиники, – сказал он тогда. – Это уже не медицина, а сплошная коммерция. Клятву Гиппократа заменил чистоган. Освой лечебную практику, это всегда будет востребовано». Как в воду глядел. А ещё в эти смутные месяцы удалось отстоять от вакцинации среднего сына. Дима дошёл до экзаменов и получил аттестат.

По весне, в апреле, вернулся из армии старший сын. Александр возмужал, окреп – это отметили все, а уж они, родители и подавно. Но при этом не то недоуменно, не то тревожно переглядывались. Сын странно изменился. Малоразговорчивый, взгляд колючий. А ещё назидательный тон. Неужели за те полгода, что был старшим сержантом, так переменялся характер?! А когда узнал, что они не привиты, возмутился. Пожил день-два и уехал в Москву, сказав только что предложили переподготовку, а там будут перспективы...Нюшу порадовало, что внешне старший сын стал похож на отца в его лейтенантскую пору. Но одновременно это и огорчило: таким ли был Кирилл, когда она его встретила?! Поплакала Нюша украдкой, но от Кирилла ведь не утаишь. Обнял он её и долго успокаивал, говоря, что всё

образуется, хотя до конца и сам в это не верил, столько было вокруг раздражения, недосказанности, недоверия...

* * *

В начале лета Кирилл поехал в Москву за запчастями. Думал сэкономить. И в деньгах-то, действительно, сэкономил. Зато по полной за эту поездку расплатился здоровьем. После возвращения двое суток отлёживался, так его ухайдакала белокаменная. «Столица – сумасшедший дом, – вздыхал и ругался он: – Содом с геморроем, как говорит Ваня. Кругом азиаты. Все голодные, злые, за руки хватают. На каждом шагу полицейские, те тоже своего не упустят. Ни за что ни про что штраф слупили. А главное – о чём везде толк. Коронавирус, прививки, уколы, вакцины, маски, куар-коды – других слов и в помине нету. А ещё говорят, что деньги отменяют, расчёты пойдут только по карточкам, а у кого нет этого каурки, куар-кода, карточки заблокируют. Во, до чего дошло. На измор хотят взять. Нет, дорогая моя столица, дорогая моя Москва, туда я больше не ездук». Так Кирилл делился с Нюшей пережитым. В свою очередь и она поделилась новостями, хотя прошло всего три дня. Оказывается, к ней на дом приходили прокурорские. Предупреждали о незаконной медицинской деятельности. Навязывали подписать документ. Но она не дура, чтобы самой завязывать силок. Спрашивается, отчего такое внимание к персоне скромной медицинской сестры? А ларчик-то просто открывается. Прокурор района – муж старшей сестры поликлиники, а у той на неё, Агнию Платову, зуб. Агнию «ушли» с работы, и больные, кому нужны постоянные уколы, процедуры, массаж, не захотели маяться в руках старшей медсестры, грубой и неделикатной бабы, а все до единого переключились на Агнию. Платить, так за хорошую работу, так они рассудили.

* * *

Совсем смутно стало в государстве. «Живёшь, как в чужой стране, – сетовал Иван Весёлкин, сын Ивана: – Никогда такого не бывало. По пустякам люди собачатся, поедом друг друга едят. Виданое ли дело, чтобы так вот прежде было?! Да наши деды-бабы и войну бы не одолели, если такими-то были...». Кирилл кивал. Всякого насмотрелся в армии, всякого навидался на гражданке. Люди без совести и чести были всегда. Но теперь их особенно много расплодилось. В армии их, пожалуй, меньше, особенно на войне – передовая, как рентген, сразу покажет

труса, мерзавца и подлеца. А на гражданке они всюду – и в администрациях, и в образовании, и в науке, и в культуре... И видны, на виду, но живут себе – не хлопочут. Таков, кажется, общий настрой. Исполняй формально все уставы, установки, инструкции – и ты будешь на коне. А то, что все эти уставы, инструкции, подзаконные акты – плод равнодушного ума, казёнщины, невежества никого не заботит. Бумага подписана, проштампована, значит, права она, бумага, а не ты, знающий подлинную цену этой цидуле.

* * *

По электронной почте Агния получила письмо. Они не часто с мамой переписывались, предпочитая мобильную связь, а тут Калерия Фёдоровна решила поделиться наблюдениями письменно: «Помню, в середине или уже в конце 80-х, наш провизор, Моисей Шимонович, бегал с журналом «Огонёк» и потрясал одной статьёй. Там говорилось, что в 53-м году всех евреев собирались выселить в специальные лагеря. И будто эти лагеря уже построены в Сибири и на Дальнем Востоке. Каких-то документов там не приводилось, но Моисей Шимонович, сверкая очками, яростно ругал Сталина и Берию... К чему, спросишь, вспомнилось? Промелькнуло сообщение, что наверху приняли документы об обязательной эвакуации и массовых захоронениях в случае чрезвычайной ситуации. Причём не только в военное, но и в мирное время. Смекаешь? Так вот у нас в мэрии этим направлением занимается – кто бы ты думала? – твой одноклассник, который, помню, заглядывался на тебя, – Боря Дорман, теперь Борис Моисеевич... Он сам мне об этом поведал».

Письмо это Нюша показала Кириллу, да потом и пожалела – муж снова заговорил о возможном переезде.

* * *

Разговоры о переезде – не бегстве, нет, это слово меж ними не возникало – такие разговоры были уже не раз. И с каждым витком становились всё острее. «Оставаться ждать, когда придут, повяжут и навяжут чужую волю. Стать овощем у этих фруктов. Спасение одно – уходить». «Всё оставить и уходить?». Агния не хотела и боялась всё бросить. «Как это? Да и куда?». А в ответ на убеждения мужа отмалчивалась или отшучивалась. Однажды она ответила по присловью: «На миру и смерть красна». На что он, прищурился глаза, мрачно обронил: «А если в одиночку да в душегубке?!».

И тут случилась то, что выбора уже не оставило...

Дима вернулся из Ярославля, где собирался подать документы на поступление – и город больше, и вуз крупнее. А вернулся – лица на нём нет.. Бледный, растерянный, будто сам не свой. Что случилось? – стали тормозить его, а он только головой мотает да слезами давится. Пока не умыли, пока не напоили горячим чаем, всё продолжал всхлипывать. Только после заговорил.

Оказалось что? Попутчица – местная девчонка – посоветовала ему идти через виадук, так, мол, ближе. Он послушался, но, видать, заблудился и оказался где-то на грузовых путях, отгороженных железной сеткой. И вот там стал свидетелем того, что его потрясло. Солдаты в касках и с дубинками заталкивали в грузовые вагоны гражданских людей – там были одни мужчины. Солдаты не церемонились – толкали и колотили дубинками направо и налево. И вдруг Дима увидел своего старшего брата. Саша был среди солдат. Больше того, частью из них он командовал, помогая иногда и дубинкой. «Саша!» – отчаянно закричал младший брат, но в гвалте и лязге закрываемых дверей, тот его не расслышал. А потом состав тронулся, и в одном из вагонов уехали и солдаты... Дима, потрясённый и обескураженный, долго блуждал по путям, пока не вышел к вокзалу, чтобы вернуться домой. «Выходит, в вузе ты не был?» – родители почти в голос задали этот вопрос. Оказалось, был. Ту сцену на путях он видел после. А в вузе был. Но прежде, чем подать документы, ему предложили пройти вакцинацию – иначе нельзя. «И ты согласился?» «А что было делать?». Кирилл внимательно посмотрел на сына – что-то в глазах парня его насторожило – потом потрогал лоб. «Да не-е, па, всё нормально... А они, эти, медики, такие смешные...» – говорил он без улыбки. – Особенно один. Двое здоровые... А этот, как клоун... Помнишь, в цирке... Петухом скакал. И этот... И халат у него соответствующий – во все цвета радуги... И шапочка такая же... Клюв приставить – и можно на карнавал или на сцену – петух петухом. Кука-реку!».

...И тут с Кириллом что-то произошло. Его обдало жаром. Голова закружилась. В глазах потемнело, словно обезумевшая чёрная ласточка занавесила белый свет, и, задев крылом правый висок, обожгла болью. Он почувствовал это так остро, что зажмурился, и чтобы не напугать родных, нарочито медленно присел...

К вечеру у Димы поднялась температура. Агния сбилась с ног, едва ли не впервые не зная, что делать. «Дима, мальчик мой», – без конца твердила она. Вызвали скорую. Она долго не приезжала. А приехала – было уже поздно. Сынок сгорел у родителей на руках – будто и не было.

Это «будто и не было» звенело в опустевшем доме оглушительной тишиной. Даже Тёма не подавал голоса, забившись где-то в уголок. А они, родители оцепенели от горя.

Похоронили Диму в палисаде – Ньюша так убивалась, что не хотела расставаться, удалось уговорить на такую могилу. Отпели в церковке и похоронили.

Дня через два, оставив жену на попечение соседки Даши, Кирилл отправился в Ярославль. Был будний день, приём документов в вуз продолжался. Тут принимали на все факультеты, в том числе на тот, куда собирался Дима. Кирилл задал вопрос, но его не дослушали, а велели надеть маску и предъявить куаркод. «Нет?» – и тут же, словно по мановению волшебной палочки, а скорее по сигналу потаённого звонка явилась троица – два амбала и тот самый «петух». Диме он увиделся смешным, а на самом деле он был мерзкий. Петухастое – во все цвета радуги – облачение было внешним, а суть открывалась в жестах и мимике. Эта жеманная улыбка, сюсюкающий голос, покачивание широких немужских бёдер. Кириллу предложили сделать прививку, обещая при этом приз в специальной лотерее, где разыгрываются даже квартиры. Кирилл сделал вид, что он заинтересовался бонусом, как изрёк этот петухастый фигляр, и приклеил для убедительности соответствующую улыбку. Амбалы встали у него по бокам и возглавляемые «петухом» повели его в свои чертоги.

Под амбулаторию была отдана библиотека. Книги горой были свалены в углу. А на освобождённом месте стояли кушетки и столы. «Петух», потирая пухлые ручки предложил ему освободиться от лишней одежды. Кирилл сделал согласный жест и слегка отодвинулся, освобождаясь от зажима амбалов. Короткий вдох-выдох. «Ха-а!»». На пол он опрокинул амбалов в один приём – одного руками, другого ногами. Они рухнули с гулом и не пошевелились. «Петуху» стоило бы вlepить так, чтобы он филейно-студенистой массой стёк по стенке. Сил на это у Кирилла хватило бы. Того больше – ненависти к этому мерзкому семени, которое расцвело в стране, заполонив экран, сцену, саму жизнь, хотя прежде оно существовало как ошибка приро-

ды, как тень, которая должна знать своё место. Но Кирилл сдержал себя. Он приказал «петуху» провести вакцинацию, причём каждому амбалу всадить по три дозы инъекции. От уколов те не пошевелились, так были вырублены. Когда «петух» подобострастно и готовно выполнил задачу, Кирилл велел ему колоть себя. Тот от страха выпучил глаза. «Мне нельзя. Мне противопоказано», – захныкал он. «А другим не противопоказано? У других ты спрашивал? А, сука?! Ну!», – он взял в руки резиновый жгут и хлестанул «петуха» по гладкой хребтине. Тот скривился и поспешно взялся за ампулу. Вакцину он набирал осторожно, медля, пока Кирилл не приказал – всю до капли. Кривясь, морщась, глотая ртом воздух он выдавил фонтанчик и просительно посмотрел на Кирилла. Кирилл содрал с него попугаистые штаны и, не удостивая взглядом его отвратного низа, велел колоть в оба бедра. «Петух» со стонами- всхлипами выполнил приказ и повалился на пол возле амбалов. Со всех дыр из него потекло. Кирилл сплюнул и, не снимая маски, вышел наружу. Здание он покинул чёрным ходом...

* * *

Домой Кирилл вернулся под вечер. «Надо собираться», – сказал он. У него было такое лицо, что Ньюша, немного пришедшая в себя, даже не переспросила. Собрались за вечер, набив багажник «уазика». Тёма мало что понимал, но предстоящая дорога мальчугана радовала – его круглое светлое личико сияло ожиданием неожиданностей и приключений.

Завершив сборы, все трое отправились в церковь. Стоя на коленях, молили о Божьей милости.

– Господи, благослови! Вверяем Тебе наши души целиком и без остатка. Спаси и сохрани!

Последний поклон.

– С Богом!

3.

Выехали в густых сумерках. Первые полсотни вёрст проехали в полном молчании. Тёма задремал. Остановились вблизи Волги. Вышли вдвоём из машины. Куда? Кирилл рассуждал вслух. По реке – многолюдье. Дальше на север тоже. На запад? Нет. Пойдём встречь солнцу, как говорили пращурь. Иные тоже от гонений бежали.

Дня через два настигла эсэмэска. Иван сын Ивана докладывал, что на их дом нагрянула полиция. Опечатали. Перерыли церковь и мастерскую и тоже опечатали. После этого выбора уже не оставалось. На одном из перегонов они пережидали товарный состав – он шёл с лесом на запад, Кирилл взял у Нюши мобильный телефон, упаковал оба – свой и её – в пластиковый пакет и, выйдя из машины, забросил их в последний вагон. Связь и связи обрывались. Начиналась новая жизнь.

На машине они проехали, сколько было бензина. Далеко уехали – пересекли всю область, уже перевалили в другую. Машину оставили, когда в глухих местах над ними пролетел вертолёт. Кирилл разогнал «уазик» и, сняв с тормоза, направил в озеро. «Буль-буль», – повторил Тёма голос воды. А Кирилл, словно завершая давно начатый разговор, заключил, как отрезал: «В том мире жить нельзя, не по-людски это, не по-христиански...».

Тут им повезло, на лесовозных усах оказалась узкоколейка, а на ней ручная дрезина. «Как у Бредбери в одном рассказе, – сказала Нюша, – там тоже...». Но не договорила, подавившись всхлипом.

Ехали, куда были рельсы. Нижний склад, горы брёвен. Но людей не оказалось. В какой-то сторожке переночевали. Дальше – пешком по лесовозной дороге, благо было тепло, и мошка не донимала. Взяли самое необходимое. Спички, зажигалки... Кирилл особо тщательно отобрал рыболовные снасти, проверил охотничьи припасы, ружьё в чехле приторочил к рюкзаку. Дорога была сухая. Тёма шёл, не жалуясь, но иногда отец устраивал его на рюкзаке и назначал вперёдсмотрящим.

Однажды далеко за озером они увидели вертолёт, звуков не было слышно, но по характеру маневрирования, Кирилл догадался, что он, то снижаясь, то взмывая и опять пикируя, кого-то обстреливает. Стало быть, охотятся. На кого? Скорее всего, на таких же непослушных и упрямых. Неужели уже до такого дошло? И неужели за три недели, что они оторвались от дома, случились такие перемены? Переворот? Вражеский десант? Оккупация?

Всё объяснилось вскоре, когда они оказались в леспромхозовском посёлке, тоже пустом, словно из него бежали или всех срочно эвакуировали-угнали. Из одного дома в центре посёлка доносились звуки, различались голоса. Они пошли туда. Оказалось, телевизор. Свету не было – работал от генератора. А в том плазменном телевизоре шло какое-то невиданное шоу. Всё вертелось вокруг некоего изображения – лица не лица, многократно размноженной неведомой личины. Одну из этих

личин звёздочки шоу, почти голые, мазали малиной и лизали. Возле другой личины, как денщики или половые, застыли подобострастно недавние депутаты и сенаторы. Только полотенец через локоть не доставало. И везде царил он – новоявленный кумир. Иногда вроде въяве, иногда голограммой, преломлясь в тысячах зеркал. Никакой бы художник не смог нарисовать его портрет, потому что видение мимикрировало, ускользало... «Упырь», – заключил Кирилл и запустил топором, подвернувшемся под руку. Замыкание, вспышка – и всё превратилось в кисель, текущий на пол и в щели подпола...

И тут, словно сигнал какой подали, донёсся звук вертушки. «Бежим», – крикнул Кирилл. Они кинулись к дрезине и рванули дальше, под сень разлапистых сосен. Вертолёт покругил, но садиться не стал – то ли площадки не нашёл, то ли пилот решил, что тут пусто.

* * *

Как они пережили зиму – одному Богу известно. Настрадались, намаялись, втягиваясь в походную жизнь, полную лишений и опасностей. Железные волки – сверху, живые волки – из лесных дебрей.

Где преклонить голову? Где раздобыть еду? Выручали охота и рыбалка, хотя то и другое требовало немалых усилий. Без труда не выловишь и рыбку из пруда. А тут – из-под льда реки или озера, которые промёрзли чуть ли не на полметра. Топором намашешься да всё лицо льдом иссечёшь. Кирилл из выбранного багра соорудил пешню – стало легче.

А тут новые забота. Прохудилась обутка – надо кропать. Изодралась одежда – надо чинить. А где взять дратвы, где раздобыть ниток? Выручали природная смётка да находчивость – голь на выдумки хитра. Толстые нитки надёргали из куска брезентухи, а из другого куска Агния сшила защитные чулки для тёмных сапог.

Дальше – больше. Попались в одной лесной избушке широкие охотничьи лыжи, Кирилл смастерил сани, на которые сложили часть груза, а в особо глубоких снегах усаживали сына. Передвигались медленно. Улита едет – когда-то будет. Иной раз, когда сил идти больше не было, – зарывались прямо в снег, согреваясь дыханием да горячей молитвой. Но не отступали. Подгоняла жажда жизни, не желание сдаваться на милость упыря, обречь на гибель сына. Они хорошо помнили записку, приколотую в одной избе возле божницы: «Мамочка, нас угоняют!».

Первая зима была самая тяжкая. Не приведи Господи! Но они выстояли, дождавшись весны.

* * *

Весна – время пасхи. Пришельцы со своим кумиром-упырём устроили свою. На небе, умалая звёздную пыль, запылали изображения того, кого Кирилл сжёг топором. Его личина, выжженная на небе, освещала, как днём, ближние и дальние пространства. А дальше, у горизонтов, где свет, казалось, истончался, лился встречный поток – там тоже гуляла, переливаясь всеми цветами радуги, пульсирующее-конвульсивная голография.

С того часа усилилась охота на не преклонившихся и на непокорных. То здесь, то там над лесными дёбрями вспыхивали зарева – это уничтожались остатки свободных людей.

С того дня интуиция Кирилла обострилась до предела – он не имел права пропустить «пулю», правый висок его был всё время направлен в небо – оттуда шла беда, но оттуда он ждал и защиты.

* * *

Летом Агния вспомнила. Календаря не было, но словно что-то кольнуло – это весточку подал Дима. Год назад сынок угас. Они в тот день оказались близ давно брошенной деревни. Всё заросло. И кладбище за околицей. Пробились, орудуя тесаком к часовенке. Она стояла из последних сил, как ветхая старушонка в ожидании последнего поклона. Открыли зыбкие, заросшие мхом, двери. Сквозь половицы проросли бледные травяные побеги. На аналое оказался молитвослов, в салфеточке – несколько свечей. Затеплили. Одну – на канун, панихидный стол. «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Димитрия, сына нашего и брата...».

Тут и заночевали. Кириллу не спалось. Агния обеспокоилась. Не заболел ли муж, напившись холодной колодезной воды. Нет. Маята его не от этого. И наконец признался, что его мучит, поведав о том, как ездил в Ярославль и что там совершил.

Агнию, переполненную видением, охватило смятение. Она схватилась за голову, но всё же не поддавалась панике. Приструнив себя, она собралась – откуда что взялось? – и заключила, что главное – усмирить грех. Мать имеет право крестить сына-младенца, начертав у него на лбу языком крест. Неужели православная жена не может принять исповедь от православного

мужа?! Ведь тут она только свидетель, передатчик. Господь не отринет покаяние.

Она наклонила голову Кирилла, накрыла холщовой накидкой с вышитым крестом и прочитала разрешительную – с отступлением от канона – молитву:

«Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Кирилл, вся согрешения твоя, и аз, недостойная, но любящая тя прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь».

То, что совершила Агния, было естественно, и Кирилл ни на миг не усомнился, что грех его и впрямь снят. И потому коснулся губами молитвенника и креста, лежащих на аналое. «Слава Тебе, Господи!». Теснота в груди вскоре ослабла и задышалось легче, вольнее...

* * *

Со светлым чувством семья беглецов покидала эту деревеньку. Ничего тут не нашли съестного, да и не искали, собственно, зато душевно помолились и ощутили прилив сил. Это они поняли, обменявшись улыбками. И сынок улыбался.

Правда, радость омрачила вертушка, которая пронеслась над деревенькой – погоня продолжалась, ищейки самозванца по-прежнему обнюхивали русские пространства.

Когда звук мотора затих, они вздохнули. «Неужели мы представляем для них какую-то опасность?» – выдавила Нюша. «Огромную, отозвался Кирилл. – Мы для них враги. Они боятся сопротивленцев. Мы как антибиотик для большого организма».

А ещё Кирилл снова призвал к осторожности и бдительности. «Всё что под ногами, вокруг нас, над нами в небе, надо примечать». Тут Агния вспомнила, что видела летучую мышь. «Днём летучая мышь?!» – Кирилл вздохнул, – скорее всего, это был дрон. А от его электронники и оптики не спрячешься».

Всегдашняя тревога усилилась, взяв в полон. Тревога исходила со всех сторон, но больше чуялась сверху, где туда-сюда сновали патрульные вертушки, коптеры, дроны, а ещё выше – спутники-сателлиты. Вся эта москитная армада прощупывала своей ловчей электронной сетью пространство земли, отыскивая последние очаги неподконтрольной жизни. Сюда в «медвежий угол» эти ищейки наведывались не часто, удостоверившись, что «материала» для поиска тут нет. Но иногда, видать, по команде свыше, принимались барражировать вдоль и попе-

рѣк, прочѣсывая квадраты урочищ, берега речек, озѣр, проток, вырубки и болотины. Прогон зайца-стрекача, отсвет потаѣнного огонька, мимолѣтный блик летучей искры, малейший скок мыши-полѣвки, выкурнувшей из потая на разведку – всё попада-ло в поле зрения цепных псов того, кто явился на белый свет из преисподней.

* * *

Поначалу для укрытия они искали бетонные, кирпичные по-стройки – склады ГСМ, силосные башни с крышами, водонапор-ные башни. Но чем дальше удалялись на восток, тем меньше таковых встречалось – за десятилетия разрухи многое обветша-ло, заросло травяной дурниной и травой-железницей. А потом оказалось, что и это – защита не шибко надёжная. От дождя, ве-тра – да, а от ультрафиолета и инфракрасных лучей нет. «Эска-ДРОН смерти» повсюду находил их своими щупальцами. Лишь только обретенная на войне интуиция Кирилла, а на деле, по-нятно, Господня защита, позволяла им в очередной раз скрыть-ся от огненного смерча. Под угором, в овраге, в болотине. Сами о себе они уже не думали. Спасти маленькую жизнь, Тѣму, – вот, что удерживало от отчаяния Агнию и Кирилла. А ещё непре-станная молитва.

Одно время Агния укрывала на ночь родных и себя за-щитными медицинскими плѣнками. Серебристые, величиной с простыню, она их называла мать-и-мачеха. «Вот тот жѣл-тый, – объясняла она Тѣме, показывая на последний, наверно, цветок, – сверху тепло, снизу прохладно». Такими плѣнками укрывали больных и раненых при температуре или обмороже-нии. Но от электронных буркал дрона не укрыли их и эти плѣн-ки. При очередном появлении железного охотника его заметил Кирилл – он стал видеть и в потѣмках. И опять они спасались быстрой «сменой позиции».

Раз набрали они снова на село – по всему крестьянское, вокруг поля уже напрочь заросшие, полуразрушенные фермы, водокачка. Остановились в школе, крыльцо которой заросло ивняком. Внизу, на первом этаже спортзал. Там и заночевали. А вверху оказалась библиотека. Днѣм обследовали избы, погре-ба, запасались тем, что могло поддержать их. В школьной сто-ловой обнаружили цинковую коробку с сухарями. Кирилл пред-положил, что она со склада ВМФ. Либо шефы-моряки здешним ребятам подарили, либо привѣз «лисичкин хлебушек» кто-то

из отслуживших на флоте выпускников. Сухари здорово выручили их, вернув полузабытый вкус хлеба.

В этой деревне удалось помыться в бане, что бывало не часто. Кочегарить сильно Кирилл поостерёлся, но вода была горячая, и Нюша смогла хорошо вымыть свои каштановые, уже тронутые сединой, волосы, которые коротко остригла в самом начале их скитаний и которые снова отросли.

Тут же наладилась сушить грибы, навесив их на верёвки да разложив на печи, а ещё – шиповник да малину. Зимой Нюша поила своих «пациентов» хвойным отваром, если кончался шиповник... Ещё держала про запас брусничный лист. А замороженную клюкву они добывали из-под снега.

Под вечер Агния рылась в библиотеке. Набрала детских книжек. «Тёме почитаю, – пояснила мужу, – а то скоро совсем Маугли станет». А ещё нашла Бредбери. И «451 градус по Фаренгейту» и тот самый рассказ – он назывался «Каникулы». Прочитала, вздохнула. У той пары с маленьким сыном впереди лет тридцать относительной безмятежности – тепло, запасы еды на складах и магазинах. А им сколько дано? Внизу первой раскрыла книжку-сказку «Гуси-лебеди». Тёма всё повторял: «Укрой нас, яблонька», «Укрой нас, печечка»...

Кирилл в стороне налаживал снасти – рыба здорово выручала их. А ещё силки да петли. В одном доме прихватил капканы – волки им попадались, а порой уже и досаждали. Там же оказался полный патронташ. Свой к той поре уже опустел. А про печечку шёпотом, чтобы не сбить с настроения Тёму, обронил: «Вот бы нам на каждом повороте такая печурка с выпечкой попадалась...».

В школе они прожили полмесяца. Агния уверяла, что их оберегают книги. Дроны и космические ищейки не пронизывают их. Лучше бы она не говорила этого. На другой день полыхнуло. Едва они успели выскочить. Библиотека пылала высоким пламенем – и по Цельсию, и по Фаренгейту. «Укрой нас, матушка-речка», – испуганно повторял Тёма, зачем-то таща волейбольный мяч и скакалку.

* * *

Третья зима оказалась не менее трудной, чем первая. Сил уже не было, а преследователи не отставали. Стоило выйти из тайги, оказаться среди бела дня на видном месте, как вскоре появлялся бесшумный дрон, который, как ищейка, обнюхивал пространство. Оберегала милость Божья, спасало обострённое

чувство опасности, которое Кирилл обрёл на войне. Та пуля, которая опалила висок, многому его научила. И он, действуя на опережение, всегда успевал обнаружить и упредить опасность. А от отчаяния удерживала воля. В той школьной библиотеке оказалась книга Аввакума Петрова – огнепального протоппа. Одну страницу Нюша вырвала, чтобы взять с собой, но помешкав, переписала кусочек текста химическим карандашом, а страницу вставила обратно. Переписала же она диалог Аввакума и Марковны, его многострадальной супруги:

«В иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на неё набрёл, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут... Я пришёл, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самой смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино ещё побредём».

Свою находку Агнюша показала мужу. Кирилл прочитал и окинул взглядом окрестности: «А ведь они, Аввакум с Марковной да чадами, где-то здесь проходили... Когда из Сибири на Москву их гнали...». А следом вспомнил, как приехал к деду и бабушке на побывку, когда был суворовцем: тем летом он с дальним родичем побывал в Нарьян-Маре, а по пути они завернули в Пустозерск, где был заживо сожжён за свои убеждения протопп Аввакум. И вот надо же такому совпадению, в этот момент как раз и пыхнул лютым огнём змей горыныч – бесшумный дрон, которого за разговорами Кирилл прозевал.

* * *

Зима выдалась ранняя и снежная. Снег валил сутки напролёт. Однажды их так завалило, что едва удалось выбраться. Высвободившись из снежного плена, они дружно перекрестились. «Впору плакат вывешивать «Мы – отрылись!»», – хмыкнул Кирилл. Юмора он не терял и тем вносил равновесие в своё маленькое, но боевое подразделение. Вот тем они и держались, не позволяя себе хандрить и паниковать. Оттого и не болели, стойко перенося лишения и невзгоды, как солдаты в студёных окопах.

На эту пору возникла новая напасть. Зимой на путях беглецов стали чаще появляться волки. Однажды следы обнаружили возле их очередного убежища – опруженного буреломом выворотня. «Много снегу. Бескормица, – заключил Кирилл: – Вот они бродят кругами». – А наклонившись над следами, заключил: – Это волчица. Я её видел. Брюхо обвисло – ценная».

И как подтверждение его вывода, вскоре раздался голодный вой. Как её отвадить? Агния решила эту задачу по-народному. Она подала Тёме плошку: «Посикай сюда». Тот недоуменно посмотрел на маму, но задачу выполнил. Агния прошлась по волчьим следам и в нескольких местах содержимым плошки побрызгала. «Думаешь, осознает, что тут тоже дитя?». Агнюша промолчала. А дня через два Кирилл сам отметил: «А ведь, похоже, ушла». Потом помешкав, добавил: «Даже зверь всё понимает, не то, что те двуногие...».

* * *

Это последнее прибежище они открыли на третий год поздней осенью. Осень промелькнула живо. Это была уже зима. И судя по хватке – раннему снегу и морозам, – она ничего хорошего не сулила. Молясь и стеная, Агния первая увидела кирпичную стену.

Оказалось – скит. Крохотная обитель, где на восточную сторону был устроен аналой, а ближе ко входу печурка и просторные полаты. После долгого пути они скоро заснули, перед тем немного подтопив печку. С последними угольками заснула и Агния как хранительница очага, и приснился ей сон.

Будто торопятся они с Кириллом пересечь просторное поле, окаймлённое далёким лесом. Кругом глубокие снега. Тёме они не под силу – он вязнет в них, спотыкаясь, то и дело падает. Отец подхватывает его на руки, устраивает на закорки, точнее на рюкзак. «Гляди в оба, головой туда-сюда и вверх. Как появятся – простыню на ветер и команду «Пали!». И все – в снег».

Долгий путь приучил к краткой речи. Меньше слов – больше сил, так наставлял вожак.

Сон долгий, как это поле. И однообразный. Белёсое небо, белый снег. Нет ему конца. Но вот цвет постепенно меняется: из белого он обращается в песочный, будто мерклая тень набегаёт на округу. Но это, оказывается, не тень. Вокруг действительно песок. Он скрипит под стопами, на которых сандалии. А вокруг щиколоток завивается подол светлого кетонета. Она не удивляется этому, вся сосредоточенная на одной заботе – маленьком сынке. Он ещё такой крохотный, её сынок. На него идёт охота, его надо спасти. А для этого пересечь эту пустыню, что уходит на восток. Впереди муж, он торит посохом путь. Долго ещё, Иосиф, безмолвно шепчет она. Он, не оборачиваясь, показывает на оазис, что мглился в нескольких стадиях. Потом останавливается, тревожно осматриваясь. Их путь пересекают конские

следы. Не говоря ни слова, муж следует дальше, доводит их с дитём до того зелёного бархана. Велит прилечь и ждать его. А сам, вырезав разлапистую ветвь терновника, устремляется назад, заматывая следы. Он делает большой круг, его серый кетонет скрывается за барханами. Она тревожно оглядывает окрестности – где же он? – а он появляется там, где она не ждёт – впереди. Она, просветлённая, предлагает ему передохнуть, ведь он уже не молод для таких больших странствий. Но он качает головой, оглаживает седую бороду и, подхватив походный узел, снова побуждает в путь.

Агния очнулась. Во сне ей открылось нечто утешительное и радостное. Она простёрлась по стылому полу, повторяя бесчётно «Царица Небесная Матушка, укрой нас своим пречистым покровом!», что почти забылась, а когда подняла голову, то увидела мерцающую лампадку, а подле Кирилла, который стоял на коленях.

С того дня вокруг стало тихо. Тревога не ушла, но она истончилась. И они не говоря о том, чтобы не спугнуть эту тишину, обоюдно – только глазами – пришли к мысли, что Господь и Богородица услышали их молитвы, увидели их страдания и пришли на помощь. И ещё истовее стали вести все службы – и утренние, и вечерние.

* * *

В тот день Агния проснулась от дальнего перезвона. Тихий благовест наплывал, словно шум нарастающего дождя. И Кирилл открыл глаза. Тревоги всегдашней в них не было. Агния решила, что ей чудится, отлежала ухо, вот и чудится. Но Кирилл тоже прислушивался, не так, как привык своим «радаром» отслеживать опасность, он слушал всем своим существом, вытянув шею. Они кинулись за порог. Взгляд привычно устремился на восход. Солнце уже осветило маковку креста. «Гляди, оно играет», – Агния глядела во все глаза: – Марья, матушка Вани, помнишь, говаривала: – На пасху солнышко играет. Видишь?! Значит, нынче Пасха». Она перекрестилась. Вот откуда этот нарастающий перезвон. Солнце играет, и небесные ангелы звонят в небесные колокола.

Да, пришла Пасха. Но благовест, который пробудил их, исходил не с востока. Они вышли из заплота, который заслонял от снега и ветра их уют. И застыли, оцепенев от могучей картины. С южной стороны надвигалась другая заря – так показалось сначала. Она охватывала небесный свод широким ровным

фронтом и в ней не было полутонов, облачных лент. Это была не заря. Ни утренняя, ни вечерняя. Так неотвратно надвигается горящая тайга. Но это был не пожар, не испепеляющий смерч. И они поняли, что это. Это накатывался вал... благодатного огня. Три года его держали в заточении, тёмные силы накнули на него непроницаемый саван. Но вот он распался. Божественный огонь вырвался наружу, возвещая, что пришёл конец силам тьмы.

На пути благодатного огня висели гроздь голографических парсун. Одна из ближних затряслась, стала морщиться, как кожа старца, вспыхнула синим бесовским огнём, и осыпью искр. Несколько мгновений – и от неё не осталось и следа. Такие же очистительные вспышки возникли и на окрайках.

На свет божий вышел сынок, встав посредине. Они, отец с матерью, переглянулись. Может, укрыть его в подполе? И тут же молча отказались от этого, только обняли его с двух сторон. И стали молиться. «Отче наш, Иже еси на небесех...». Потом «Символ Веры»: «...Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Их немного знобило, как бывает трясёт от ожидания. Но всё окончилось хорошо. Вал избирательного благодатного огня прошёл сквозь них, на миг сбив дыхание, и покатился дальше, творя свою великую очистительную миссию.

4.

Кирилл очнулся. Долго лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь, что происходит внутри и что снаружи. Рядом никого, похоже, не было. Он нерешительно разлепил тяжёлые веки, которые, почудилось, очень давно не отворялись и повёл взглядом. Должно быть, снится. Всё ещё снится. Он зажмурился, потом снова открыл оба глаза. Ничего не изменилось. Он находился у себя дома, в своей спальне – и шторы, и бра, и обои – всё было тоже самое, только плафон был зачем-то покрыт плотной песочного цвета тканью.

Он лежал и не шевелился, боясь спугнуть этот сон. Иначе не могло быть – ему снилось счастливое прошлое, когда у него был дом, семья – жена Нюша, дети Саша, Дима и Тёма. Интересно, какое время снится, какой год?

В отдалении хлопают двери. Раздаётся чья-то речь. Появляются люди.

Он наблюдает всё будто бы со стороны и чуть сверху.

Это Тёма, потом появляется Агния... Саша – старший сын. Откуда? Но самое неожиданное – Дима, живой и, кажется, невредимый.

Нюша глядит с тревогой – не слишком ли много эмоции? Надо передохнуть. Нет-нет, просит он одними глазами. Он понимает, что с ним что-то произошло и боится говорить. Они трогают его руками, гладят, касаются его бороды. Оказывается, у него отросла борода, а он и не знал.

Всею причина – чёрная ласточка.

– Ла-сто-чка, – шепчет он по слогам, – и уже твёрже: – Ласточка...

Родные обмениваются тревожными взглядами.

– Ласточка вспомнилась, – также медленно, но уже громче шепчет он.

Ласточка была почти наяву. Коснувшись его правого виска, она замкнула надолго его сознание, погрузив в иное состояние.

Он весь ещё находился там, в безмерной русской тайге, верша какой-то неведомый подвиг, но вот сознание вернулось в прежнюю житейскую колею. И у него от радости выкатилась из уголка глаза слеза. И у всех его родных заблестели глаза, знак любви и счастья.

Сознание приходило стремительно, как приливная волна на побережье Баренцева моря, – и такая вдруг вспомнилась следом за ласточкой.

Нюша счастливо улыбалась, но тревога нет-нет да и вспыхивала в её глазах – не навредить бы: ведь так много событий для одного сердца, которое однажды почти умолкло.

Он в ответ улыбался – всё хорошо, всё ладно. Пока сам не почувствовал, что устал, погружаясь в сон. Краем сознания обеспокоился – а не назад ли? Господи, помилуй! И словно ответом нанесло умиротворение – теперь не надолго...

* * *

Так началось для Кирилла возвращение в себя. Долгое забытьё, которое в науке называется летаргическим сном, длилось больше полугода. От того июльского дня, когда Дима вернулся из Ярославля и рассказал, что видел и испытал, до нынешнего февраля.

И тут начались открытия.

Оказалось, что прививки Дима избежал. Он просто удрал от загонщиков, оттолкнув «петуха», а те амбалы, неповоротливые и тупые, не смогли его догнать. Брата Сашу на путях

он действительно видел. Но картина, которую он нарисовал в своём юношеском воображении, была не столь драматичной.

Тут встрял сам Александр. Их подразделение проводило учения. Задача была сдерживать напор взбунтовавшихся мигрантов. А мигрантов изображали статисты – их же переодетые сослуживцы из другого подразделения и ребята из школы милиции... А тогда по весне, когда вернулся из армии, он был немного не в себе. Девчонка, которая обещала его ждать, с которой переписывался и строил планы, накануне вышла замуж и встречаться с ним отказалась. В сердцах, не посоветовавшись с родителями, он и подписал контракт на сверхсрочку...

Кирилл вздохнул. Дела-а-а...Выходит, сознание его помутилось без оснований. И со старшим было всё не так, и средний избежал беды – жив-здоров и улыбается, правда, чуть виновато. И ещё одно облегчение ему явилось: выходит, он не ездил по следам Димы и не укокошил тех липовых санитаров, которые встали на пути сына. Слава Тебе, Господи! Одно дело на поле боя, а другое так, пусть даже в отместку.

* * *

Но как всё это пережила Ньюша? Он смотрел на неё с удивлением и благодарностью. Все долгие месяцы его «отсутствия» жена находилась здесь. Но он отчётливо видел её там, она всегда была там, рядом с ним. «Да, – соглашалась она. – Я чувствовала, что во мне... идёт ещё одна жизнь, понимаешь. И тут, и там. Однажды проснулась – рядом Тёма. Это было в декабре. Темно, холодно. Страшно, говорит, мама, я и взяла его. А тут проснулась. Чую тебя, меж нами Тёма. А ты вдруг шепчешь «Спи». «Да, – кивнул он – я тоже помню». А ещё Ньюша заговорила про книги. «Проснулась, будто читала Рея Бредбери, – не то «Вино из одуванчиков», не то...». «Сколько-то там по Фаренгейту», – перебил он. «Да, верно, «451...», – подхватила она, – а проснулась от огня, там вспыхнул пожар...». «Да, – подтвердил Кирилл. – Дрон-охотник атаковал». «А ещё помню часовенку...», – перекрестилась Ньюша. «Господи! – у него на глазах выступили слёзы. – Ты всегда была со мной...».

Потом, когда сердце поуспокоилось, появились другие новости. Оказывается, в конце лета, узнав о беде, приезжали тёща с тестем. «Надо же! – подивился Кирилл, и тут же подпустил иронию: – А Калерия Фёдоровна не пеняла, что предупреждала тебя?». Ньюша даже не дослушала: «Ни словечка! Представь себе. А как ухаживала, опекала! Меня перестала подпускать...».

А ещё Ньюшу обратно приняли в поликлинику, причём просила об этом та самая старшая медсёстра, что посеяла смуту, – так на жёнку подействовала вся эта история.

Много открытий и неожиданных поворотов ждало Кирилла по возвращении. Одно только никак не находило ответа – почему такой путь выбрало его сознание? Или это чья-то неведомая воля заставила его так блуждать?

Открытие пришло через две недели.

24 февраля началась спецоперация на Украине. Вскоре оказалось, что русская сторона опередила захватчиков на сутки. Бандеровские силы, науськиваемые НАТО, планировали вторгнуться на территорию Донбасса, выйти на границы России, а далее вместе с объединённой армией НАТО обрушиться на нашу страну.

Выходит, всё, что пережил Кирилл в своём затянувшемся сне, было тем, что явилось бы, случись агрессия: явление Антихриста, уничтожение русского народа, захват Русской земли.

Он ещё был слаб, Кирилл, ноги худо держали его, но усилием воли он поднялся, узнав, что старший сын отправляется в командировку. Куда? – было понятно без объяснений – туда, на линию огня. Собравшись с духом и силами Кирилл увлёл всех домочадцев и соседей в церковь и отслужил молебен перед образом Александра Невского:

Скорый помощниче всех усердно к тебе прибегающих и тёплый наш пред Господом предстателю, святой благоверный великий княже Александре!

Призри милостиво раба Божия Александра, ко святей иконе твоей ныне притекающа и из глубины сердца к тебе взывающа.

Ты в житии твоём ревнитель и защитник православныя веры был еси: и нас в ней теплыми твоими к Богу молитвами непоколебимы утверди.

Ты великое возложенное на тя служение тщательно проходил еси: и нас твоею помощию пребывати коегождо, в неже призван есть, настави.

Ты, победив полки супостата, от пределов Российских того отгнал еси: и на нас ополчающихся всех видимых и невидимых врагов низложи.

Предстоя же со всеми святыми престолу Божию, молися о всех православных христианах, а допреж всего православных воинах, в том ряду Александре, сыне нашем, да сохранит их Господь Бог Своею благодатию в здравии, долгоденствии и всяком благополучии на долгия лета, да присно славим и благословим Бога в Троице Святей славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков.

А напоследок Кирилл благословил Александра на ратное поле, повесив ему на грудь свой нательный крест, что берёт на войне, и по отечески обнял сына: «С Богом!».

г.Архангельск